

ДЕТЕКТИВ
С ТАИНСТВЕННОЙ
ИСТОРИЕЙ

Читайте романы Анны Князевой в серии «Детектив с таинственной историей»:

ВЕНЕЦИАНСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ
СЕЙФ ЗА КАРТИНОЙ КОРОВИНА
ХРАНИТЕЛЬНИЦА ЦАРСКИХ ТАЙН
КЛЮЧ ОТ ПРОКЛЯТОЙ КОМНАТЫ
КОПЬЕ ЧУЖОЙ СУДЬБЫ
РОМАН БЕЗ ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЫ
ПОДВЕСКА КОНЧИТЫ

АННА
КНЯЗЕВА

РОМАН
БЕЗ ПОСЛЕДНЕЙ
СТРАНИЦЫ

Москва
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К 54

Оформление серии *А. Саукова*

Иллюстрация на обложке *Ф. Барбышева*

Князева, Анна.
К 54 Роман без последней страницы : роман / Анна Князева. —
Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Детектив
с таинственной историей).

ISBN 978-5-699-76500-3

Дайнека умирала от любопытства — в квартире этажом выше снимают кино! Ей удалось проникнуть туда и даже познакомиться с членами съемочной группы. Особенное впечатление на девушку произвела актриса Лидия Полежаева. Но вскоре ее нашли мертвой в той самой квартире...

Соседом сверху, сдавшим квартиру киношникам, оказался знаменитый писатель Василий Тихонов. В советские времена он прославился как автор одного-единственного романа, а потом попал в центр скандала: его подозревали в плагиате, но это так и осталось недоказанным...

Невольно втянувшись в расследование убийства актрисы, Дайнека пришла к парадоксальному выводу: преступники искали в квартире роман Тихонова. Но не тот, что был издан миллионными тиражами, а черновик рукописи, где зашифрована какая-то тайна...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-76500-3

© Князева А., 2014
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

ПРОЛОГ

ФЛЕШБЭК № 1

Дождя не было с самой весны. Трава поднялась хилая даже в чистых лощинах, где косили для колхозных коров. В лесных покосах для домашней скотины — еще хуже.

Косили и грабили¹ только бабы. Мальчишки на жожарах² свозили траву к силосной яме, в которой топтались тощие девки. Трава набивалась медленно, потому что даже самая здоровая баба не выкосит столько, сколько работает хлипкий мужик. А их в деревне было всего трое: слонявый Куста, горбатый Митька и председатель Савицкий. Четвертый — дед по прозвищу Ерш, тот, что гнал деготь за кладбищем, где много берез, еще в мае сделал гроб, втащил его на чердак, упал и насмерть убился. В том гробу его и схоронили.

Вечером бабка Хохлиха взяла икону и пошла по дворам. Собрала баб, что подоили коров. Так, всем гуртом, отправилась с иконой в поле молиться, просить Боженьку о дожде.

¹ Грабить — сгребать граблями траву в кучи.

² Жожара — длинная телега с решеткой из досок и палок по бокам.

Ночью прошел дождь, а с утра в деревне готовились к свадьбе. С работы отпустили одних только девок, подружек невесты, их набралось около двадцати. Баб оставили на покосе. Обычное дело, им, старым, пристало только работать.

Оба, и жених, и невеста, были из сосланных чухнов¹. Манька в девках пересидела, кроме нее в семье было еще трое ребят. Отец помер, и мать сосватала ее за горбатого Митю Ренкса. Выдать — и с глаз долой, пусть кормит муж.

В доме, как у всех, была голодуха. В округе на шесть километров не росло даже щавеля. Листья щипали с картошки. Рубили, варили, заправляли отгоном², его было вдоволь, потому что масло сдавали в районный центр по налогу.

Невесту приготовили до обеда. Вырядили в белое платье из отбеленного на морозе холста. Сдвинули столы, покрыли скатертью из того же холста, что платье невесты.

Мать выставила миски с вареной картошкой и солевой капустой красного цвета, такую каждый год квасили с бураками. Вытащила из печки чугунок, в котором томилась брюква. Переложила желтые разваристые кругляши в глубокую чашку. Поставила на стол два гусака³ с самогонкой и медовуху в коричневой крынке.

Младшие сидели на печке, глотая слюны, смотрели, как мать несет к столу тазик с сушками, облитыми жирной сметаной. Еще вчера она выпекла их из муки, которую колхоз выделил к свадьбе. О них все трое мечтали ночью, надеясь,

¹ Чухны — пренебрежительное прозвище эстонцев или финнов.

² Отгон — сыворотка, побочный продукт переработки молока.

³ Гусак — бутылка на 2,5 литра с длинным горлышком.

что, захмелев, кто-нибудь из гостей кинет на печь несколько штук.

Время шло, Манька села в торец стола. Рядом — пустой стул. Подружки запели свадебную и стали ждать жениха.

Наконец услышали скрип ворот, в хату зашел председатель, раскинул руки и прокричал:

— Митька помер!

— Чегой-то? — вскинулась мать.

— Вымылся, штаны постирал, рубаху. Там, в бане, его и зарубили. Всю ночь пролежал, пока не нашли.

— А-а-а-а! — закричала Манька.

Председатель обвел взглядом стол, потом унылые лица подружек. Снял кепку и почесал в голове.

— Ты, вот что... — сказал он Маньке, — чтоб ничего не пропало. За Кусту пойдешь. Сегодня. — Он снова посмотрел на еду. — Жрать нечего...

— За Кусту я не пойду! Он слюнявый, у него рот открыт...

Манькина мать закричала:

— Пойдешь! Я тебя в бочке солить не буду! Ты мне здесь не нужна!

Председатель надел кепку и вышел из хаты. Манька выскочила на улицу, вцепилась в телегу и взревела во весь голос. Председатель ругнулся и вытянул ее хлыстом вдоль спины. Она отцепилась, упала на землю. Из хаты выбежала подружка и стала тащить ее за руки.

— Вставай, Манька, в хату идем.

— Ой лишенько мне, Вера, — плакала невеста. — Ой, лишенько... Грешница я — понесла...

Вера отпустила ее руки, и Манька распласталась в пыли.

- Митенькин?
- Нет, не его.
- А Митенька знал, от кого?
- Знал.
- Теперь ты молчи!

Петрушу Кустова на свадьбу привезли немывтым, в потной рубахе, в портянках и пыльных лаптях. Рубаха, как и штаны, у него была одна. В ней работал, в ней спал, в ней приехал жениться. Никто в деревне его не любил, никто не хотел.

Кусту посадили рядом с невестой. Выпили самогонки и скоро крикнули:

— Горько!

Манька заплакала:

— Я не буду...

А Куста полез целоваться.

Про бедного Митю Ренкса не вспоминали. В сравнении с общей большой бедой его смерть была пустяком.

На дворе стоял июль 1943 года.

ГЛАВА 1

СВЕТЛЫЙ ПУТЬ

Снег выпал уже в ноябре, поэтому весь декабрь Москва была новогодней. Этого настроения Дайнеке хватило до января. В январе наступила сессия. Последний экзамен она сдала в день, когда началась эта история.

В кармане лежала зачетка с деканатской отметкой, Дайнека была свободна, как вольный ветер. Выйдя из метро на своей станции, она споткнулась о раскладной матерчатый стул, на котором висела табличка: «Гадаю». Рядом стояла женщина, нисколько не похожая на цыганку. Встретившись с ней глазами, Дайнека спросила:

— Почему гадаете?

— По руке, — ответила та.

— Я в смысле... Дорого? — уточнила Дайнека и сама себе удивилась, потому что не собиралась задерживаться.

— Двести.

— Рублей?

— Разумеется. — Гадалка посмотрела на нее строгим взглядом поверх очков. Совсем как учитель начальных классов.

После этого нужно было уйти или остаться. Дайнека выбрала второе и уселась на стул.

— Вот... — она протянула правую руку ладошкой вверх.
— Сначала давайте левую, — сказала женщина и села на маленький табурет.

Прохожие не обращали на них никакого внимания.

Дайнека сняла варежку и протянула другую ладошку. Гадалка взяла ее и покрутила, будто улавливая солнечный свет. Отыскав нужный ракурс, склонила голову.

— Теперь правую, — сказала она, не отпуская левой руки.
— Вот.

— Ага... — обронила гадалка и подтянула к носу обе ладошки, поочередно заглядывая то в одну, то в другую.

— Что там? — обеспокоенно спросила Дайнека.

— Не подгоняйте. Дешевле не будет. — Женщина провела пальцем по глубокой линии, которая начиналась на сгибе между указательным и большим пальцем. — Светлый путь, — прошептала она.

— Что?

— Светлый путь, — повторила гадалка.

— Что это значит?

— Отец жив, я вижу его, но не рядом. А вот мать... Такое ощущение, что семья у вас была только в начале жизни. Вы одиноки. Мужа нет... Нет даже собаки. Вижу пустой дом. В Москве лет пять или семь. Издалека...

— Раньше я жила в Красноярске, — подсказала Дайнека.

— Точный адрес по руке не увидишь.

— Остальное все правильно, — Дайнека собиралась закончить гадание, опасаясь, что ворожея скажет что-нибудь неприятное.

Так и вышло.

— Любопытство... Вот что вас все время подводит. Любопытство и безрассудная смелость. А еще желание справедливости.

— Почему же подводит?..

— Думаю, не раз вы лезли не в свое дело и получали за это, — усмехнулась гадалка. — Ведь получали?

— В смысле неприятностей? Ну, бывало... — туманно ответила Дайнека.

— Теперь будет хуже, если вовремя не уйметесь.

— Хуже... насколько?

— Ужас как худо.

— Меня ожидает что-нибудь страшное? — Дайнека вздрогнула и отдернула руку.

Женщина мягко вернула ее и продолжила:

— Все зависит от вас. Не надо вступать между тем, что есть, и тем, что должно быть. Во всяком случае в ближайшее время.

— Почему только в ближайшее? — спросила Дайнека.

— Может случиться нечто непоправимое.

— Я так и знала... — прошептала девушка, имея в виду, что зря ввязалась в это гадание.

— Если послушаетесь меня, ничего плохого не случится.

Кивнув, Дайнека подумала о том, что хорошо бы сбежать. Однако гадалка серьезно посмотрела ей в глаза и, не отпуская рук, продолжила:

— Опасность исходит сверху...

— Что это значит?

— Опасность над твоей головой.

— Глупости, — усмехнулась Дайнека.

— С вас двести рублей.

Она вынула кошелек, нашла пару сотенных и протянула гадалке. После чего встала и поспешила домой.

Дом, где жила Дайнека, был старый, лучше сказать — старинный. Фасад, куда выходили окна ее квартиры, был розового цвета. Цоколь — темно-коричневого. Арка, ведущая в глубь двора, имела пару чугунных створок, которые при желании можно было закрыть, однако закрытыми их никто никогда не видел.

Через эту арку Дайнека прошла утром, отправившись на экзамен, через нее вернулась обратно. Она уже вошла во двор, когда ее вдруг сильно толкнули. Она развернулась и, поменяв направление, споткнулась. Рядом промелькнула машина, которая проехала дальше, к ее подъезду.

Жаркая волна обиды и возмущения охватила Дайнеку, и она рванулась к машине. В салоне сидел водитель. Приблизившись к дверце, она пальцем постучала в стекло.

— Вы чуть не сбили меня!

Водитель на нее покосился, но позы не поменял. Дайнека стукнула еще пару раз. В ответ — никакой реакции.

Она обошла машину. И вдруг поняла — перед ней золотистый «Бентли». Решив, что дальнейшие разборки бессмысленны, зашла в тамбур подъезда, приложила магнитный ключ к кругленькой пимпочке и, когда дверь открылась, поднялась на первый этаж. Перед лифтом стоял крупный мужчина в черном пальто. Обернувшись, он выставил в стороны локти, прикрыв собой распахнутую кабину.

Даже если бы захотела, Дайнека не разглядела бы ничего. Ее нос располагался как раз на уровне верхней пуговицы пальто недружелюбного гражданина. Пришлось свернуть к лестнице. Впрочем, она и не собиралась ехать

на второй этаж в лифте. Где-то на полпути мимо нее вверх проплыла кабина.

Зайдя на второй этаж, Дайнека с ходу отправилась выше. Добралась до межэтажной площадки, и эта точка ее восхождения оказалась конечной. Там стоял еще один гражданин, который был нисколько не дружелюбней. Он заступил ей путь.

Дайнека задрала голову, взгляделась в его лицо, затем развернулась и стала спускаться вниз. Скоро за ней хлопнула дверь квартиры.

Дома она сразу легла в постель, рассчитывая выспаться после бессонной ночи подготовки к экзамену. Потом поняла, что немного перегуляла. Как обычно бывает в таких случаях, в голове бродили глупые мысли, а сна — ни в одном глазу.

Дайнека смотрела на потолок. На нем не было ничего интересного, но в квартире на третьем этаже кто-то расхаживал. Она различила тяжелую поступь, после чего над ней что-то поехало или тяжело покатилося.

Такая активность наверху была необычной. Там проживал старик, который все свое время проводил на даче. Дайнека видела его пару раз. Одна из этих встреч запомнилась ей надолго.

Однажды, когда она училась в десятом классе, вернулась домой из школы, согрела борщ и уже налила его в тарелку, как вдруг к ней в дверь постучали. Решив, что пришла Нина, подруга, что жила в соседней квартире, Дайнека сразу открыла.

На пороге стоял полицейский. Окинув ее взглядом, сказал:

— Вам придется пройти со мной.

— Куда? — поинтересовалась она.

— Этажом выше. Там ограбили квартиру, нужны понятия. Возьмите с собой паспорт.

Дайнека сбегала в комнату, принесла паспорт, прикрыла входную дверь и в тапках отправилась на третий этаж. Дверь квартиры была распахнута настежь. Внутри расхаживали мужчины в форме и обычные штатские.

Один из них спросил полицейского:

— Кто это?

— Понятая.

— Сколько ей лет?

— Сколько тебе лет? — Полицейский переадресовал вопрос Дайнеке.

— Шестнадцать, — сказала она.

— Ошибочка получилась, товарищ следователь. — Офицер козырнул в никуда, как раз посередине между Дайнекой и штатским.

— Что мне теперь делать? — спросила она.

— Идите домой, — приказал следователь и больше не обращал на нее никакого внимания, как и другие, снующие по комнатам люди.

Полицейский ушел искать понятых, а Дайнека вжалась спиной в угол прихожей, стараясь стать незаметной. Жуткая круговерть увлекла ее. Очень хотелось знать, как это все бывает. Постояв в коридоре, она бочком пробралась в гостиную и, пробыв там минут двадцать, перешла в спальню. Так она курсировала по всей огромной квартире, подслушивая, подглядывая и вникая в происходящее.

Спустя какое-то время в гостиную вбежал старик хозяин, схватился за сердце и рухнул в просторное кресло.

— Кто-нибудь! — крикнул следователь, не отрываясь от протокола. — Принесите ему воды!

Дайнека со всех ног бросилась в кухню и вскоре вернулась с кружкой. Ее заметили и попытались прогнать. Однако старик схватил ее за руку, забрал кружку и стал жадно пить воду. Потом поднялся и приказал:

— Отведи меня в кабинет!

Покосившись на своих «гонителей», Дайнека повела его в комнату, которая служила кабинетом. Старик вошел и тяжело привалился к стене. Отдышавшись, сел за письменный стол и выдвинул ящик. К ним приблизился следователь:

— Что-то пропало?

— Орден Ленина и Звезда Героя на месте. Остальное — неважно, — сказал старик и с облегчением откинулся в кресле.

— Ты еще здесь? — Следователь посмотрел на Дайнеку. — А ну, быстро делать уроки!

Так закончился ее первый и единственный визит в ту квартиру.

Дайнека лежала в постели и смотрела в потолок. Наверху тащили что-то тяжелое, затем послышались голоса. Один был определенно мужской и звучал громче других. Ей очень хотелось понять, что там происходит. Сухие деревянные перекрытия имели свои преимущества: казалось, она различает отдельные слова.

— Живей... внимательно... там посмотрел...

Вслед за шагами голоса переместились в соседнюю комнату. Дайнека вскочила и, шлепая босыми ногами, побежала за ними. Сколько ни прислушивалась, ничего различить не смогла. Вот если бы они оказались на кухне...